

Такова в основных чертах непростая история появления первых и последующих волн Забайкальских старообрядцев и старообрядческих общин, их размещение на юге Дальнего Востока России в середине XIX – XX вв.

¹ *Аргудяева Ю.В.* Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000. С. 29.

² *Лобанов В.Ф.* В поисках Беловодья: Старообрядцы в Приамурье (вторая половина XIX века) // *Экономическая жизнь Дальнего Востока.* 1995. № 1. С. 139.

³ *Аргудяева Ю.В.* Старообрядцы на Дальнем Востоке России. С. 31.

⁴ НАРБ. Ф. 337. Оп. 2. Д. 3160. Л. 40.

⁵ *Болонев Ф.Ф.* Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. М., 2004. С. 37.

⁶ *Лобанов В.Ф.* Старообрядчество на Дальнем Востоке России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *Очерки истории родного края.* Хабаровск, 1993. С. 139.

⁷ Там же. С. 141.

ВАСИЛЬЕВ И.Е. (Екатеринбург)

Образ Урала в поэзии 1920-х годов*

При рассмотрении образа Урала в местной поэзии времени революции, гражданской войны и двадцатых годов прошлого века нас интересуют следующие вопросы: каким видели Урал его жители, что выделяли в нем в качестве главного, как модифицировалось представление об Урале за указанный период?

Долгое время общим местом в восприятии Урала, его геоприродных и социально-исторических особенностей было выделение «старости» (отсюда атрибуция «седой старик»), первозданной «дикости» и «угрюмости», сказочной таинственности, мощи и величия. При описании впечатления от уральской местности чаще всего использовались образы гор (скал), лесов, рек и озер, диких животных (лосей, волков и медведей) и хищных птиц (орлов и беркутов).

Уже в одном из первых послеоктябрьских стихотворений «Северный Урал» К. Аристов выкладывает почти все эти характеристики: «Угрюм и дик / Под шапкой скал, / Стоит старик - / Седой Урал»¹. Древность Урала у Аристова подчеркивает «столетний мох», которым поросли склоны гор, «непроходимость» гористой местности оттеняет «пихтовый бор». Особо следует отметить связь Урала со сферой сакральных пред-

* Исследование подготовлено в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

ставлений: пихтовый бор, «как храм стоит», «творец светил его покой благословил». Здесь, рядом, оказывается монашеский скит, поэтому леса Урала становятся «святыми». Тайна Урала, таким образом, связана, по Аристову, с религиозным таинством. Правда, надо отметить, что поэт упоминает и о другой форме таинства, связанной с антибожественным началом: «Нечистый рой / Там свил приют, / Слышать порой, / Передают, / То крик, то вздох». Эта жизнь языческих существ, фантомов народной демонологии впоследствии будет представлена в сказах у П.П. Бажова.

Этот же комплекс представлений об Урале развивает стихотворение А. Аштука «Урал», опубликованное в 1919 году в газете «Утро Сибири». Уральские горы предстают здесь высокими, поросшими густым лесом, скрывающим множество загадок и тайн. С горы открывается величественный простор, доступный лишь орлу. Именно здесь, в этой точке пространства, понимается «величие Урала», его «могучая красота, видится «хмурый блеск воды» в долинах: «Безбрежен, дик, таинственен простор... / Зигзаг лесов далек, красив, безбрежен, / Вдали озер и рек нахмуренный туман»². Урал сравнивается здесь с «грозным великаном» (отметим, что «великан» - распространенное определение Урала).

Еще одно произведение 1919 года – это стихотворение Владимира Менестреля, также названное «Урал». Здесь мы опять встречаем устоявшиеся представления об Урале: сосновые леса, бурные потоки воды по склонам, скалистые кручи, «угрюмый покой» ландшафта. Но появляется и кое-что новое, связанное с производством, с промышленностью; «Внизу, под обрывом мартены и домны / Над озером стелют клубящийся дым... / Завод и поселок под копотью темной / Чернеют этюдом большим»³

Вот эта «цивилизационная» составляющая картины появляется едва ли не впервые, но пока она не главное в «портрете» Урала. Пока ведущим началом является природное «естество» Урала, и поэты рисуют разные стороны пейзажа уральской земли. Они упоминают о хвойных лесах Урала («Бора слушаю шум... / Здесь со мной только сосны да ели»⁴), изображают суровый климат нашей географической зоны («Мне нравится север угрюмый, печальный, / С его седовласой суровой зимой»⁵), восхищаются пением лесных птиц («Тихой сказкой обвеяны пения / Вольных жителей вольных лесов, / Запевающих в миги томления / Песнь любви серебром голосов»⁶).

Однако в условиях социального раздора образ Урала неизбежно политизировался. Это отчетливо демонстрирует стихотворение курганского поэта Кондратия Худякова «Красный Урал». «Тайны» Урала в нем лишаются сакраментальности, связи с потусторонним и приобретают вполне конкретное земное обличье. Первые строки, кажется, настраивают таки на волну сакральности («Горы дымятся, как в ладане... / Кто здесь, за что умирал?! / Тайны твои не разгаданы, / Старый Урал»⁷), но далее

речь идет о противостоянии «белых» и «красных». Симпатии поэта на стороне большевиков. Даже Урал у него становится «красным»: «Миру откройте свободу, / Как, не страшась, умирал / В битве с врагами народными / Красный Урал»⁸ То же самое со стороны «белых»: «Страна снегов, страна тайги дремучей, / Сибирь на помощь шлет тебе сынов, / И в стужу лютую, мороз трескучий, / Идут через Урал ряды полков»⁹ Подобные стихи, в которых идеологическое перевешивало художественное, не могли дать объемной, стереоскопической картины Урала.

Гораздо серьезней выглядит разработка темы Урала в стихотворении А. Надинского «У Шарташских каменных палаток»¹⁰. Автор, созерцая «скалы-изваяния», уносится в мир прошлого и в своих фантазиях пытается разгадать тайну их существования. Ему кажется, что здесь – место древних ритуалов, что скалы – рукотворные сооружения древних племен для принесения в жертву людей: «И вижу в очаге вершинном / Кровавый теплится костер, / А жрец, в густом меху зверином, / Над жертвою поднял топор».

Немаловажным обстоятельством в поэтических описаниях Урала было также его природное богатство – скрытые в недрах земли руды, драгоценные камни. Одним из первых после Октябрьского переворота, еще в 1917 году, об этом написал В. Васильев в стихотворении «Урал», построенным как монолог самого Урала: «Золотою казной / Я несметно богат, / И железной рудой - / Не ленись добывать. <...> / Для серег золотых / Не жалею отдать / Я камней дорогих, / Чтобы жен украшать»¹¹ Властитель горных богатств ставит и свои условия человеку-добытчику: «Охраняя свой пост, / Будь построже к себе: / Разогнись во весь рост - / Твое право в борьбе!...». Оказывается, нужно затрачивать усилия, стараться (не отсюда ли – «старатель»?), «не лениться добывать» эти богатства и стоять за Урал «и свободу свою». Так тема горной добычи, производства оказывается увязанной с личными качествами человека, с его усилиями по овладению природными ресурсами.

Подобная идея воздаяния сокровищами Урала за личные качества людей присутствует в стихотворении В. Пермского «На Урале» (1918 г). Вначале автор пишет о богатстве окружающей природы: «Под хвойной шапкою вершин - / Рубин, бесчисленные руды, / Топазы, яшмы, изумруды / И золото среди долин...»¹². Затем отмечает, что все эти богатства края Урал «хранит» и ждет, когда люди, вооруженные «умом и знанием», смогут их «использовать» с пользой для себя.

После гражданской войны тема Урала продолжает оставаться актуальной. Образ Урала выглядит противоречивым: «Урал родной и сед, и молод, / Радушен, радостен и дик»¹³ С одной стороны, в уральском ландшафте выделяются «завод, рудник и принска», с другой – «между них» (характерно это «между них», то есть вкрапление в заводское пространство природного, земельного, сельскохозяйственного) «покосы, пашни

мужика». Таким образом, промышленное и крестьянское оказываются в единстве.

Постепенно противоположности разводятся по разным полюсам: сталкиваются «старое» и «новое». Вводится тема преобразований. Покой Урала-старика («сердитого», «кондового», по определениям поэта) с его «заповедными тайнами», «ущельями», в которых некогда «озорничали» шайки разбойных людей, стерегущих Урал (со временем в эту мифологическую ячейку будут вписаны Ермак и Емельян Пугачев – знаки истории, бурного прошлого Урала), нарушают шумы и ритмы трудовой жизни: «Мхом обросший стародум, / Слушай мой весенний шум! / Бью! Дроблю! / Кайлу креплю! / <...> Все старь! Гниль, гарь! / Ударь! Ударь! / Дзинь... бом...»¹⁴ Обилие восклицательных знаков, экспрессивный телеграфный стиль, звукоподражания – все свидетельствовало о новациях, революционной динамике изображения. На Урале теперь, показывает автор процитированных строк В. Аристов, хозяйничают люди, выдвинутые революцией. «Творцы» – называет их поэт и выделяет главных представителей новых хозяев Урала. Это кузнец («В копоти, саже до слов неохочий / молота мирный боец») и шахтер («В иле, песке «зашпаклеван» да в глине»). Они воплощают семантику «верха» (огонь, свет, гроза, небо - кузнец) и «низа» (подземное царство - шахтер).

В 1923 году появляется стихотворение А. Уральского «Урал золотруд», в котором дается довольно дифференцированная картина реальных изменений на Урале. Их творит человек (теперь уже не Урал, а он «великан» и «чародей» – пример послереволюционного пересмотра ценностей): «Задымились заводы машинные; / Забурлил в печах домны металл». Автор фиксирует приметы нового: «Поднялись до небес мачты радио; / Зазвенел в голосах небосвод; / Телесфон без проводки наладили; / Сильно-крылый взлетел самолет»¹⁵

По мере поворота уральской жизни к трудовым будням, повседневности усиливалась конкретизация изображения. Если в первые революционные дни пейзажные зарисовки носили суммарный, обобщенный характер, то со временем описания становятся детализированными, уральские природно-географические реалии включаются в систему точных обозначений. Водоемы теперь не просто ручьи, реки и озера, а имеют свои наименования и прикреплены к той или иной местности. Так, в стихотворении Я. Двинянинова «По Сылве» (1926 г.) встречаем названия рек Сылва, Чусовая: «Сылва воды несла все вперед, / Чтобы слиться скорей с Чусовой»¹⁶, в стихотворении В. Шипулина «Чусовая» (1926 г.) знаменитая река «выбрасывает воды свои» «красавице Каме»¹⁷ В этом же ряду описание «шумящей на переборе» реки Тагил с живыми приметами окружающей ее уральской местности: «Пещеры зев в скале высо-

кой, / Жужжанье пьяное шмелей, / И уток кряканье в осоке, / В болоте крики журавлей»¹⁸

Много стихов о любви к родному краю. Часты были противопоставления пышной южной и скромной северной природы, но выбор неизменно делался в пользу родных мест. Таков сюжет стихотворений «Вечер в Крыму» Н. Харитонова¹⁹, «Мой край В. Макарова»²⁰, «Уральские мотивы» В. Шипулина²¹. Неброский пафос таких стихов удачно выразила Е. Вечтомова в проникновенном стихотворении из стихотворного цикла «Северное лето»: «Мне снова – просто хорошо, / Мой север, строгий и любимый»²².

Картина уральской жизни была бы однобокой без изображения Екатеринбурга, Челябинска, Перми, Тюмени, Оренбурга, Кургана и других населенных пунктов. Здесь тоже со временем появляется множество ярких и точных зарисовок городских пейзажей, достопримечательностей («Мой город» И. Келлера, «Свердловску» Вен. Гиршгорна, «Екатеринбург» Г. Троицкого, «Заштатная столица» Н. Бритвы, «Здравствуй, Пермь» Ф. Зубарева, «Тюмень» И. Нового и др.). Однако главное в Урале для поэтов 1920-х годов – индустриальное начало: заводы, шахты, рудники, способные перерабатывать руды, минералы, драгоценные камни.

Образ Урал во второй половине 1920-х годов инструментализируется темами труда, сопровождается изображением общественно-исторических преобразований, изменений, производственных успехов: «У нас в стране не так уж много гор, / Но много золота, железа и магнита. / Урал наш сед, но крепок и богат, / В нем что ни шаг – то шахта и завод»²³; «В родном краю свободен труд, / Рабочий труд железный стойкий, / Звенят среди фабричных труб / Шаги упорной долгой стройки»²⁴ «Родная индустрия» назвал свое стихотворение Николай Куштум, выразив общее настроение трудового подъема во время первой пятилетки.

Таким образом, Урал в первые послереволюционные годы являлся в разных обликах, поворачивался многими своими гранями, но все поэты так или иначе опирались на распространенные в народном сознании представления, связанные с особенностями ландшафта, истории и социокультурной спецификой региона.

¹ *Голдин В.Н.* Поэзия гражданской войны в периодических изданиях Урала: 1917–1919 годы: В 2 кн. Екатеринбург, 2006. Кн. 1. С. 35.

² Утро Сибири (г. Челябинск). 1919. № 83. С. 2.

³ *Голдин В.Н.* Поэзия гражданской войны в периодических изданиях Урала... Кн. 2. С. 205.

⁴ Там же. С. 94.

⁵ Там же. С. 5.

⁶ Там же. С. 217.

⁷ Там же. Кн. 1. С. 259.

⁸ Там же. С. 260.

⁹ Там же. Кн. 2. С. 121.

¹⁰ Там же Кн. 1. С. 11–112.

¹¹ Там же. С. 53.

¹² Там же. С. 125.

¹³ Крестьянское хозяйство (г. Екатеринбург). 1922. № 3. С. 1.

¹⁴ Крестьянское хозяйство (г. Екатеринбург). 1922. № 4–6. С. 2–3.

¹⁵ Работник связи Урала (г. Екатеринбург). 1923. № 9. С. 7.

¹⁶ *Голдин В.Н.* Поэзия периода военного коммунизма, НЭП и первой пятилетки: В 2 кн. Екатеринбург, 2007. Кн. 2. С. 116–117.

¹⁷ Там же. Кн. 1. С. 159.

¹⁸ Там же. С. 107.

¹⁹ Там же. С. 127–128.

²⁰ Там же. С. 143–144.

²¹ Там же. С. 159–160.

²² Там же. Кн. 2. С. 114.

²³ Там же. Кн. 1. С. 145–146.

²⁴ Там же. С. 202.

ГОЛИКОВА С.В. (Екатеринбург)

Модернизация для традиции

Развитие концепции модернизации можно интерпретировать как изменение представлений исследователей о взаимосвязи между «новым» и «старым» или модернизационным и традиционным. За прошедшие годы произошел полный пересмотр взглядов о влиянии традиции на модернизацию. От утверждения о воздействии активной прогрессивной модернизации на косную традицию перешли к признанию позитивного влияния традиционных институтов и ценностей на скорость и глубину проникновения модернизационных процессов в жизнь общества.

В зоне внимания оказались также соотношения нового и старого в различных временах и странах. Так, при изучении Урала XVIII – начала XX вв. часто приходится иметь дело с внесением нового в чисто традиционную среду и констатировать, что тому приходилось пробивать себе путь парадоксальным образом - в обличье старого.

О том, что дала традиция модернизации, специалисты знают неплохо. К обратной стороне проблемы – что модернизация может дать традиции – интереса было меньше и сведения о ней исчерпываются эмпирическими наблюдениями.

Исследователи вынуждены признать, что, несмотря на натиск модернизационного, традиции продолжают существовать, «выживают» (правда, с оговоркой, что не в качестве системного явления, а лишь «в